

Александр Эртель

Серафим Ежигов

Александр Иванович Эртель

Серафим Ежиков

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=661955

А. И. Эртель. Избранное: М.; 2011

Аннотация

«Отрекомендовался он мне Серафимом Ежиковым. Лицо его было не без приятности. Правда, лицо это не было красиво, и черты его скорей поражали безобразием, чем правильностью, но от этого безобразия веяло глубокой симпатичностью. В разговоре он часто и внезапно краснел, причем лицо его получало выражение чрезвычайно приятной застенчивости и какого-то совершенно девичьего целомудрия...»

Александр Иванович Эртель Серафим Ежиков

Стоял февраль.

С самого крещенья держалась ясная погода, без ветров и метелей, с крепкими, сердитыми морозами. Глубокий снег, первоначально напавший в ту зиму еще до введения и обильно подновляемый во все филипповки, ни разу не сгонялся паводками и теперь, скованный ноздреватым настом, мирно покоился на полях. Благодаря отсутствию ветров, снег этот покрывал землю ровною, слегка волнистою пеленою; даже вокруг жилищ не было сугробов. Дороги, не заносимые под-земкою и не заметаемые метелью, были превосходны. Сани не ныряли по ним, как по волнам бушующего моря, и даже ночью путник не мог бы сбиться с них, ибо отчетливо чернелись на сером фоне зимней ночи правильные ряды соломенных вешек, еще не разнесенных бурей по степи и не поникших под напором бешеных снеговых волн. Небо не завешивалось мглою и не закрывалось хмурыми тучами, но с неутомимой яркостью синело и сверкало. Зори не погорали, зажигая небо зловещим багрянцем и, подобно пожару, пылая над пустынными снегами, но кротко и тихо сияли, нежно окрашивая и степь и небо приветливым румянцем и предвещая

все ту же постоянную погоду на завтра. Днем ослепительно блистало холодное солнце. По ночам высыпали бесчисленные звезды, тускло мерцал Млечный Путь и светила голубая луна, обливая молчаливые поля меланхолически-сказочным сиянием.

Но постоянной погоде этой близился конец, и на сретение, второго февраля, по небу забродили робкие тучки, а в морозном воздухе повеяло мягкостью. Вечером, подавая самовар, Семен доложил мне, что наст ослаб и не только человека, как прежде, но и собаки не сдерживает проваливается.

– Неужель оттепель будет?

– Беспреренно будет. Спокон веку вокруг сретенья отпускает.

– Верно ли это?

– Уж это будьте спокойны. Спокон веку примечено: «сретенские оттепели»... как же!

На следующий день пушистый иней покрыл деревья и крыши, и хотя мороз снова покрепчал и сурово знобил лицо, но тучи на небе сгущались, поднимался ветерок, а на реке, без всякой причины, выступила из проруби вода, желтоватым пятном расплывшаяся под снегом.

– Ну что, Семен, нет ли еще каких примет? – спросил я.

Семен донес мне, что собаки целое утро катались по снегу, петухи кричали в совершенно необычное для них время и рамы в кухне заплакали.

– Быть погоде! – утвердительно заключил он и с настойчи-

востью пригласил Михайлу дней на пять заготовить корму.

Четвертого, в день чудотворца Кирилла, с самого раннего утра потянуло оттепелью. Влажный ветер медленно гнал с юга длинные вереницы тяжелых туч. Темная синева протянулась по кругозору и повисла над лесами и деревнями. Дороги и тропинки пожелтели. Снег уже не резал глаза сверкающей белизною, как то бывает в яркий солнечный день, но отдавал мягкими, теплыми тонами.

К полудням ветер усилился; теплое дыхание его становилось резким и пронизывающим. Тучи сплотились в какие-то туманные клубы и все ниже и ниже опускались над полями. Синий цвет их окраин сначала уступил место темно-сизому, почти черному, затем и этот цвет стушевался, и небо стало одна сплошная мутная мгла. Синева над горизонтом час от часу таяла и сливалась с серою мглою; лишь узкая темноватая полоска, остаток этой синевы, упрямо обняла дали и не сливалась с тучами, не поддавалась им.

Леса и деревни как будто придвинулись к хутору и получили какую-то неведомую в морозный день явственность и теплоту колорита. Молодые ракиты на плотине, оттаяв от снега и вчерашнего инея, сиротливо распростирали по ветру свои гибкие красноватые ветви. Камыш, точно обмытый талым ветром, бурыми волнами разбежался по вершине и с какой-то неприятной сухостью шуршал своими безжизненными стеблями.

Семен и Михайло торопливо носили корм с гумна и из

риги на двор. Анна заботилась о топливе. Лошади шумно фыркали в конюшне. Воробьи с суетливым визгом копошились под пеленою амбара. Галки бестолково перелетали по крышам, садились на трубы и хрипливо кричали, обращая открытые клювы в упор ветру.

Непогода близилась.

К вечеру еще ниже свесились тучи над полями. Казалось, стоило бросить шапку кверху, и она застряла бы в тучах. Повалил мокрый, пухлый снег. Дали сначала завесились метелью, как будто кисеєю, затем потонули в мутном, медленно зыблющемся море, сквозь которое только смутно синели леса и чернелись поселки. Но скоро море это сгустилось и, спешествуемое наступающею тьмою, покрыло непроницаемой завесой и дали, и леса, и деревни. Хутор остался лицом к лицу с снежною бездной, тихо, но неудержимо падающей с неба.

Когда стемнело, ветер превратился в бурю. Он загудел и заиграл с снежинками, закрутил их вихрем, понес подземною. Мертвенно-тихое поле проснулось: заревело и застонало. Началась пурга.

– Нну-у, разгулялась погодка! – воскликнул Семен, через силу добравшийся из кухни до дома, и долго кряхтел и отплевывался, протирая лицо, обивая сапоги и очищая одежду от липкого снега.

Действительно, загуляла погода шальным, безобразным разгулом.

Семен напоил меня чаем, напился сам и, накинув на плечи полушубок, отправился было затворять ставни. Но буря воротила его, и уж натянув полушубок в рукава, он снова отправился бороться с нею. И долго он возился с дверями и гремел железными затворами ставень. Мне слышно было, как выюга буйно вырывала из его рук ставни, порывисто хлопая ими по стене, и в то время, когда он усиливался притворить их, она, словно поспешая, ударяла в стекла непрерывными волнами звенящего снега. Когда же, наконец, удалось Семену затворить ставни, звенящие звуки превратились в глухой и смутный, слегка завывающий шум, на который утлые доски ставень отвечали жалобнейшим скрипом.

– Диво творится! – с некоторым даже ужасом объявил мне Семен, тяжело отдуваясь и отряхаясь от снега. – Зги божией не видно в поле! – добавил он, отдохнувши, и, влезая на лежанку, с сокрушением произнес: – Упаси господи злого тарина...

Я сел за книгу, но читать мне не хотелось. Я встал и стал ходить по комнате. Что-то смутно волновало меня, повергая не то в тоску, не то в какую-то нервную тревогу. Слабое пламя свечи, печально бросавшее круглый отсвет на белый потолок, треск половиц под моими ногами, непрерывный лязг маятника и тень, тиходвигающаяся за мною, смутный шум выюги за стенами и легкое поскрипывание ставень – все это уносило меня в какой-то щемящий мир мечтательных грез и сказочных представлений...

Я ходил, и думал, и вслушивался в дикие стоны вьюги.

И казалось мне, что «диво» воочию встает предо мною и бушующее поле открывает мне свои тайны.

Мне казалось – я вижу, как в тихое море падающего снега с неведомых высот ринулась буря и прихотливо закрутила это море исполинской спиралью... Снежинки сначала тихо и неуверенно, затем все быстрее и быстрее затолклись и заиграли в круговороте... Буря ширится, наполняя пространство диким завыванием... Буря захватывает уже не версты и не десятки квадратных верст, а целые области своею бешеною пляской и вместе с тем несется вперед по безграничному степному простору с безобразной, одуряющей быстротою... Кажется, нет силы, способной противостать ей и бороться с нею... Но есть эта сила. Сила эта – постоянный ветер, не утихающий в нижних слоях атмосферы. По мере того как буря свирепеет, – он усиливается. Буря кружит снежную бездну, вертит и буровит ее, – ветер мечет ее из стороны в сторону, разрывает в клочья и из правильного, бешено толкущегося круговорота превращает в какую-то воющую, бесформенную мглу... Буря сердится, плачет, гудит... Буря борется с ветром, страшно терзает и крутит несчастные снежные волны... Пространство уподобляется исполинскому котлу, в котором с ужасным гулом клокочет и с неба летящий и вздымаемый от земли снег. И вой разъяренных зверей чудится в том гуле, и стоны озлобленные, и вопли человеческие, терзающие душу... – То – вихрь. То его буйно-унылые

песни стоят над полем.

Иногда буря осиливает, и тогда и дико ревущую мглу и воюющие вихри весь бешено зыблющийся, безграничный, бессмысленный простор крутит и вертит она в одном исполинском хороводе...

То жалобно, то буйно стонет и рыдает поле...

Стихла буря. Подобно ключьям разодранной овчины, повисли тучи над полем. Кое-где промеж туч засветились туманные звезды в голубой синеве. Заредели хлопья снега. Смолкла адская музыка пурги, словно отдыхая от разгула. Лишь подземка, тихо, но беспрерывно скользя, наметая сугробы в ложбинах, громоздя бугры вокруг жилищ, а на дороге – ухабы, нарушает тишину, вдруг вставшую над полем.

А даль насылает новые тучи. Угрюмая тьма снова обнимает небо, и снова снежное море потопляет степь, а буря, словно спохватившись, крутит это море, мечет его во все стороны, рыдает, стонет и голосит... Вот ворвалась она в осиновый лесок... Тронула покрытые гололедицей сучья, зашатала корявые деревья... Стон и шум поднялись по лесу... Словно вопль целого сонма грешников вырвался оттуда, – вырвался, заклокотал надрывающими диссонансами и слился в общем безумном хоре тоскующего, буйно рыдающего ада...

...И казалось мне – я вижу, как ринулась буря на утлые хаты поселка... Завертелась, закружилась она вокруг бедных хат. Взгромоздила сугробы по пелены, зазвенела в маленькие закоптелые оконца оледеневшим снегом, растрепала крыши

и понесла по бушующему простору охапки черной, прогнившей соломы... Ударила дерзким порывом в церковную колокольню и заворотила церковную железную крышу. Крыша загрохотала, подобно далеким раскатам грома, и печальным похоронным перезвоном звякнули колокола... Звякнули и замолкли, а буря пронеслась в поле и заплясала и заплакала там пронзительным плачем... «Бесова свадьба», – говорит народ про погоду и с суеверным ужасом внимает ее песням.

Все живое приникло в страхе: зверь в сугробах и лесах, человек в жилищах, подобных сугробам...

...Я вздрогнул и взглянул в окно. Ставень распахнулась и хлопнула, и хрипло загремела на железных петлях. Выюга, подобно косматому чудищу, лезла в стекла и сердито лизала их. Я взглянул на часы: стрелка приближалась к двенадцати. Хлопнула с визгом в другой раз ставень; затрещала непрочная рама. Буйно метнулся ветер в трубу и заголосил там, точно баба над покойником.

Я подошел к окну и прислонился к стеклам. Мутная бездна угрюмо глядела оттуда на меня.

Мне почудился стук. Я прислушался: ничего, кроме Семенова храпа да завывания выюги. Но какое-то неопределенное беспокойство овладело мною. Я подошел к передней и снова прислушался. Немного спустя стук раздался явственно и торопливо.

Я разбудил Семена и окликнул: «Кто там?» В ответ послышался какой-то крик, почти заглушенный ветром, и снова

посыпались удары в двери. Несомненно, за дверьми был человек. Семен отворил вход в сени, я распахнул дверь в комнаты. В сенях завизжала ворвавшаяся буря, закрипел снег под ногами Семена; в комнаты сначала бросилась студеная струя, сильно заколебавшая пламя свечи, бывшей в моих руках, а затем ввалилось что-то белое и холодное. Это белое шумно вздохнуло, испустило какой-то неопределенный возглас и стремительно бросилось на коник. Это белое был человек, укутанный в некоторое подобие тулупа и с громадным треухом на голове. С ног до головы он был занесен снегом.

– Шабаш!.. Хоть издыхай!.. – отрывисто произнес он и уставил на меня мутный взгляд. – Говорю, хоть издыхай! – действительно повторил он и в изнеможении закрыл глаза.

– Ты чей? – спросил я.

– Лесковский, – ответил он, вяло поднимая веки и с каким-то удивлением снова устремляя взгляд свой на меня.

– С каких Лесков?

– С Малых.

– Откуда едешь?

– С города.

– Один?

– С учителем.

– С каким учителем? Где он?! – вскрикнул я в ужасе.

– В санях.

Семен выскочил на двор.

– Чей учитель?

– Лесковский. Серафим Миколаич.

– Что же он не слезает?

Мужик захохотал.

– Нейдет!

– Что так?

– Сумлеваются.

– В чем?

– Насчет ночевки сумлеваются.

– Как сомневаются?

– Так. Допреж, говорит, спросись поди...

Мужик опять захохотал, но вдруг схватился за ногу и вскрикнул:

– Ой, – зазнобил, ой-ой!.. Ах, леший те... а-ах!..

Я взглянул на его ноги, они были в худых лаптях и рваных холодных онучах, обвязанных пеньковыми обрывочками.

Дверь снова отворилась, и в ней опять показалось что-то белое.

– Извините, ради бога... Необходимость... По необходимости... Не беспокою ли?.. – говорило оно. Голос дрожал и прерывался.

Мужик опять захохотал.

– Все сумлеваются! – подмигнул он мне и преспокойно стал совлекать с себя какое-то отрепье и взбираться на лежанку.

– Мне хошь околевай теперь! – воскликнул он, – и мерин пушай околевает, и ты... Околевайте все, – мне теперь все

едино!.. Я вот ногу ознобил...

И он стонал, прерывая стоны руганью, и в то же время лукаво кивал мне на учителя, смеялся и хватался за ногу.

Семен побежал прибирать лошадь. Я принялся разоблачать учителя. Он весь дрожал от стужи, но стыдливо отстранял от себя мои руки.

– Вы уж, пожалуйста... – лепетал он, – пожалуйста, не беспокойтесь... Не нужно бы... право, не нужно бы хлопотать... Я бы в избу... Нам бы в избу с ним... Выпил он немного... холодно... Простите... Я, право, не знаю... Мне бы в избу...

– Куда вам в избу – здесь ночуете.

– Ах, право бы, не надо... Зачем здесь!.. Мы здесь намираем... Беспокойство вам... В избу бы... Мы утречком бы завтра... Не взыщите... Чем свет бы... Не хлопочите, сделайте милость!..

– Нет, уж меня колом отселе не выпрешь! – заявил мужик.

Серафим Николаич с каким-то усилием засмеялся, и снова сконфузился, и смущенно залепетал:

– Право, мне совестно... Вы уж простите его... Архип Лукич, ты уж не дебоширь, пожалуйста... Видите, выпил он... Согревает оно, знаете ли... Есть научные данные... Алкоголь... Вам, вероятно, известно?.. Холодно, знаете!.. Видите – одежда... рубище... Мне вот можно не пить... Я одет...

И снова попытался засмеяться, и снова переконфузился. Все это время он что-то начинал расстегивать, что-то развязывать, но руки его не действовали. Наконец я убедил его

не препятствовать мне и начал производить раздевание. Из покровов на нем только и было солидного, что валенки; все остальное могло быть носимо только по необходимости. Ватное пальтишко, увязанное большим женским платком, достигало лишь до колен (колени эти страшно дрожали). Дешевая барашковая шапка была глубоко надвинута на лицо. Кроме шапки, лицо это скрывалось и поднятым воротником, из-за которого торчала судорожно дрожавшая борода, сплошь забитая инеем.

Он все же не переставал проситься в избу и извиняться за беспокойство. Насилу убедил я его, что никакого беспокойства он мне не причинит и доставит лишь одно удовольствие.

По совлечении платка, пальто и иных верхних одежд учитель оказался маленьким, узкогрудым человечком в «твиновом» пиджачке и в ситцевой, достаточно уже позаношенной рубашке. Отрекомендовался он мне Серафимом Ежиковым. Лицо его было не без приятности. Правда, лицо это не было красиво, и черты его скорей поражали безобразием, чем правильностью, но от этого безобразия веяло глубокой симпатичностью. В разговоре он часто и внезапно краснел, причем лицо его получало выражение чрезвычайно приятной застенчивости и какого-то совершенно девичьего целомудрия. Часто также пытался он предупредительно улыбаться и смеяться каким-то как бы заискивающим смехом, но только пытался, ибо ни улыбки какой следует, ни смеха у него не выходило; его темные глубокие глаза при этих попытках по-

стоянно оставались серьезными и даже грустными.

Впоследствии заметил я, что стоило его оставить самому себе, то есть не занимать его разговором, не угощать и вообще не утруждать галантностью обхождения, – он весь преобразался: лоб его тогда мучительно стягивался морщинами, на всем лице замирала тоскливая гримаса и худые прозрачные пальцы нервно щипали реденькую русую бородку. Казалось, какая-то упорная мысль постоянно буравила его голову.

Пока вскипел самовар, Ежиков, едва только обогревшись, все возился с ногою Архипа. И снегом и вином он растирал ее, и успокоился лишь тогда, когда убедился, что опасности нет ни малейшей. Архип вообще разыгрывал при этом некоторого идола. Снисходительно посмеиваясь, протягивал он ногу и все подмигивал мне на учителя, как бы приглашая полюбоваться на подобного чудака. Казалось, Архип делает Ежикову великое одолжение, позволяя растирать свою ногу. Помимо высокомерной снисходительности и насмешливого подмигивания, лицо Архипа выражало полнейшее равнодушие. Только раз соблаговолил он изъяснить некоторое неудовольствие: это когда Ежиков начал растирать ногу вином. «Эхма! – воскликнул тогда Архип, тоскливо взглядывая на вино, – в нутро бы мне ее, водку-то!» – и еще долго спустя после растирания с негодованием повторял: «Экую прорву винища извели зря!.. Ведь обдумают канитель: божьим даром ноги поливать...»

Когда подан был самовар, мне все-таки удалось внушить Ежикову некоторую бесцеремонность: он уже почти не отказывался от чая и с заметным удовольствием выпил несколько стаканов.

– Зачем вы в город-то ездили? – спросил я его за чаем.

– Знаете ли, – уведомление было от управы...

– Это насчет чего же?

Он несколько замялся.

– А видите ли: наставникам некоторое вознаграждение полагается...

Слово «вознаграждение» произнес он после стыдливого колебания.

– А! так за жалованьем, значит, ездили?

– Да, да... С одной стороны, это верно... Невозможно, знаете... (Он как бы оправдывался.)

– Что же, получили?

– О да!.. Оно, видите, не совсем получили... Я, например, не получил... Но некоторые получили... и даже многие получили... Очень многие! – добавил он поспешно и таким тоном, как бы просил у меня извинения за гг. раздавателей «вознаграждений».

– Каж же это вы-то?

Ежиков покраснел.

– Право, не знаю, как вам сказать... Впрочем, оно, пожалуй, и понятно... Даже очень понятно!.. Я, знаете ли, опоздал несколько. Другие успели, приехали вовремя, ну, а я

опоздал... Согласитесь сами, нельзя же ждать!

– Денег, стало быть, не достало в управе?

– Да, но видите... Видите, это такое дело... такое... Нужда везде... Как хотите – обременительно!.. Очень обременительно... Вы знаете, ведь на них очень много наложено... А была засуха... Они называют это недород (он застенчиво улыбнулся)... Это, знаете ли, все нужно... обсудить бы нужно... Налоги там... Вообще... – тяжело!.. – Он вдруг заволновался и вскочил со стула, но тотчас же опять уселся, не преминув и на этот раз покрыться стыдливым румянцем.

– Из города вы рано выехали? – переменял я разговор.

– А нет, не очень рано... Да вот... – он задумался, – да, да, метель уж была, и порядочная-таки была метель...

– Зачем же вы в такую погоду выезжали?

– А как вам сказать... Это надо объяснить, видите... (Он окончательно переконфузился.) Овес, знаете, и притом опять пища... О пище тоже необходимо объяснить... Ужасно неудобно в городе!.. и так, знаете ли... ужасно все дорого!.. Да, очень дорого. Ну, я, видите, не успел в управу... Другие успели... Очень многие успели!.. Многие ужасно нуждались... О, как нуждались!.. Знаете ли, Венчуткин есть, Михей Иванов... Он семинарист, из учительской семинарии... Жена у него больная такая, слабая, дети... Очень маленькие дети!.. Ну, и ни копейки... а?.. О, ужасно нуждались Венчуткины!.. И вдруг, что же? приезжает, знаете ли, Михей Иванов, – он, впрочем, пешком пришел, но это все

равно... итак, является он, ему прямо за три месяца... (Нам за три месяца не выдавали... но это неважно!...) И так за три месяца, – это с чем-то тридцать шесть рублей... И, вообразите, прямо-таки тридцать шесть рублей и получил!.. О, он ужасно теперь счастлив... И все это очень удачно, знаете... – Глаза Серафима Николаича засветились чисто детской радостью. Говорил он торопливо и часто задыхался от волнения, особенно сильно овладевавшего им во время разговора о чьей-либо нужде или о каком-нибудь горе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.